

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что история и судьба белорусского перформанса нуждается в институционализации и архивизации, научном осмыслении и продолжении. Отметим, что шаги для этого уже делаются.

Литература

1. Бабайко, О. Асфиксия белорусского перформанса / О. Бабайко // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://artaktivist.org/asfiksiya-belorusskogo-performansa/>
2. Голдберг, Р. Искусство перформанса. От футуризма до наших дней / Р. Голдберг. – М.: Ад маргинем, 2017. – 320 с.
3. Дада // Сюрреализм (Иллюстрированная энциклопедия / Сост. И. Г. Мосян. – СПб.: СЗКЭО «Кристалл», 2005. – 320 с.
4. Харэўскі, С. Людміла Русава і Ігар Кашкурэвіч. Супрэматычнае ўваскрэшанне Казіміра / С. Харэўскі // Сто твораў XX стагоддзя. Нарысы па гісторыі беларускага мастацтва найноўшага часу; навук. рэд. М. Баразна. – Мінск, 2011. – С. 360–364.
5. Артимович, Т. Группа «Белорусский климат»: фотографический перформанс «Покорение белорусских пустынь», 1988 / Т. Артимович // ZBOR, 2014 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://zbor.kalektar.org/14>
6. Анонс выставки «БЕЗ ВЫКЛЮЧЭННЯЎ! У працэсе» Выставачны праект 22 чэрвеня – 2 жніўня 2018 г. Галерэя сучаснага мастацтва «Ў» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://afisha.tut.by/exhibition/bez-vyklyuchennyau-u-pracesse/>

ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК НОВОЕ ПОНЯТИЕ В БЕЛОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

И. И. Шматкова

Белорусский государственный экономический университет,
факультет международных бизнес-коммуникаций,
пр. Партизанский 26, 220070, г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: i.shmatkova@gmail.com

В статье рассматривается возникновение и использование термина «женская поэзия» в белорусском литературоведении, анализируется исследование поэзии «женской плеяды» второй половины XX в. как культурного феномена в белорусской литературе.

Ключевые слова: женская поэзия, гендер, феминизм, гинеитика, женская плеяда.

FEMALE POETRY AS A NEW PHENOMENON IN THE BELARUSIAN LITERARY CRITICISM

I. I. Shmatkova

Belarusian State Economic University,
Department of International Business Communications,
Partizansky Ave. 26, 220070
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: i.shmatkova@gmail.com

The article deals with the origin and use of the term «female poetry» in Belarusian literary criticism, analyzes the study of the “female galaxy” poetry written in the second half of the 20th century as a cultural phenomenon in the Belarusian literature.

Key words: female poetry, gender, feminism, gynocritics, female galaxy.

Возникновение новых понятий в литературе — отражение жизни общества на определенном историческом этапе: «Литература как часть культуры — одна из тех составляющих, которая позволяет создавать впечатление об эволюции человека. Более того, культура, а вместе с ней и литература, сами подчиняются действию эволюции, фиксируя при этом все изменения» [7, с. 18—19]. Поэтому весьма важно проследить историю появления термина «женская поэзия» в отечественном литературоведении.

Термины «женская» поэзия и «женская» литература в белорусском литературоведении до сегодняшнего дня относятся к разряду понятий скорее литературной критики, чем научных работ, хотя в зарубежном литературоведении они введены еще в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Пределы определения этих терминов колеблются от категорического отрицания разделения литературы по половой принадлежности автора с утверждением, что литература может быть только хорошей или плохой, до полного признания понятия как культурного феномена.

Феномен «женского» стал объектом гендерных исследований в истории, культуры, социологии, философии, психологии и т. д. На Западе теорию гендерной стратификации (как одной из подсистем социальной) разработала Д. Хубер [17, с. 83]. В России этой проблемой занимается Московский центр гендерных исследований. В Беларуси одной из первых исследовательниц гендерных проблем в литературе стала Т. Фицнер, которая пришла к выводу: «Гендер каждого творца обусловлен (в рамках одного этноса) историческим

временем, культурным контекстом, полом, образованием, возрастом» [13, с. 73].

Гендерный подход открыл новые возможности в интерпретации литературных произведений, анализе текста с точки зрения представлений о понятиях женское — женственное и мужское — мужественное. Вообще, становление гендерного аспекта исследования литературы исторически связано с осмыслением женской эмансипации.

Феминистский подход к изучению литературы как области академической науки зародился в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в английской литературе (Б. Фридан, К. Милет, М. Элман и др.). Объектом исследования стал женский опыт, «женская» история. В 1981 г. американская исследовательница Э. Шоултер в книге «К проблеме феминистской поэтики» ввела термин «гинокритика» — исследование женской литературы и вообще творчества, исходя из женского опыта и истории женской культуры. Главный объект исследования — многогранный женский опыт и пути его репрезентации в литературных произведениях.

Белорусская исследовательница Н. Поваляева актуализировала в отечественном литературоведении универсальную теорию развития любой субкультуры, в том числе и феминизма, разработанную Э. Шоултер, на основе трех этапов: имитации, протеста и самооткрытия [10, с. 240]. Эта теория неоднократно применялась учеными при анализе «женской» литературы разных стран, в том числе и белорусской.

В белорусском литературоведении 1970-х — 1980-х гг. существует ряд работ, посвященных творчеству белорусских поэтесс второй половины XX в. (статьи А. Лойко, Д. Бугаёва, В. Коваленко, В. Бечика, В. Колесника, Т. Чабан и др.). Впервые в 1983 г. в белорусское литературоведение ввел понятие «женская поэзия» В. Гниломедов, который утверждал: «Есть в литературе понятие “женская лирика”. Оно имеет свои вершины в мировой поэзии. Леся Украинка, Марина Цветаева, Анна Ахматова, Соломея Нерис... По-разному проявляется у них женственность... » [6, с. 235]. Таким образом, в конце 1970-х — начале 1980-х гг. в белорусском литературоведении зарождается гинокритика. Начиная с середины 1990-х гг. белорусская «женская» поэзия стала объектом изучения многих белорусских литературоведов: А. Петрушкевич, Т. Фицнер, И. Воюш, А. Брадихиной, С. Колядки, Т. Нуждиной и др.

Анализ белорусской «женской» поэзии с точки зрения женской критики обнаруживает следующую динамику. Большинство исследователей видят истоки женского феномена еще в библейском времени, от нашей прародительницы Евы, «которая своим поступком предопределила экзистенциальное разграничение ролей в вечности и по существу обозначила гендерную асимметрию ролевых моделей» [5, с. 150]. Русская исследовательница С. Кайдаш, напротив, считает, что «первая женская эмансипация пришла в Европу вместе с христианством. <...> Именно Дева Мария — Богородица воплощает Женское Начало в христианстве. <...> Христианство прославilo не только возвышенность Богородицы, ее моральное совершенство, но и святых женщин, мучениц за веру» [14, с. 194—195]. Так, православные жития святых (например, «Житие Евфросинии Полоцкой») — один из образцов благородных и самоотверженных характеров. Белорусский фольклор женщину представляет неоднозначно — это и хранительница родового очага, и мать, символ Родины, олицетворение трудолюбия, ума, — но и одновременно ограничивает ее путь: «жены дорога — от печи до порога» [13, с. 26]. Т. Фицнер на основе анализа творчества В. Ф. Радзивилл и С. Пильштиновой-Русецкой делает выводы о белорусской женской литературе до XX в. «как документе, зафиксировавшем гендерную асимметрию определенной эпохи» [13, с. 74], но отмечает ее фрагментарный характер. Исследовательница считает, что об общей концепции развития белорусской «женской» литературы можно говорить с начала XX в., с приходом в поэзию Тётки, К. Буйло. Хотя феминность некоторых, в том числе и названных, авторов стала предметом полемики белорусских исследователей. С. Колядко определяет как «маскулинное» поэтическое слово Тётки, Н. Тарас, а потом и Д. Бичель, в противоположность феминности Е. Лось, Г. Корженевской [5, с. 150]. А. Петрушкевич отстаивает женственность Э. Пашкевич (Тётки) — «изысканной дамы, такого тонкого психолога, прекрасного прозаика, искренней белорусски», которую «красный миф белорусского советского литературоведения сделал полностью поэтессой-революционеркой» [9, с. 15]. Т. Фицнер доказывает, что «"андрогинность", "общенациональность", "всебелорусскость" Тётки, К. Буйло является результатом наследования мужской традиции письма» [16, с. 9], тем самым очерчивая в белорусском литературоведении по теории развития «женской» литературы Э. Шоуэлтер ее первый этап — имитации.

С. Колядко приходит к выводу, что стратификационная картина белорусской «женской» поэзии второй половины XX в. «не имеет упорядоченности и иерархической зависимости» [8, с. 67]. В 1950—1980-х гг. литература пополнилась большим количеством женских имен. «Классические тенденции в основе поэтического самовыражения объединяли поэтесс разных поколений и придавали этому единству свою хронологическую созависимость, которая определенным образом и структурировала творческую деятельность в рамках поэтических течений, направлений, поисков и т. д. “Женская” поэзия, в отличие от “мужской”, во второй половине XX в. была наделена синергетический целостностью и развивалась на традициях поэзии Е. Лось, В. Вербы, Д. Бичель-Загнетовой и др.», — отмечает исследовательница [8, с. 67]. В 1970-е гг. в Беларуси появилась новая плеяда поэтесс: Е. Янищиц, Н. Матяш, Г. Корженевская, Т. Бондарь, Р. Боровикова, Н. Шклярова и др. Для белорусской литературы этого времени стало характерным появление новой тенденции: интимная лирика стала приобретать «массовый» характер. Но по наблюдениям С. Колядки, «женский голос в большом ряде поэтических голосов звучит в своеобразном нотном регистре. Чем это обусловлено? В первую очередь тем, что природа поэтического таланта женщины-поэтессы, как и ее сущности, имеет женский/фемининный характер, во-вторых, женщины-поэтессы не соперничают с мужчинами, а ищут свои эстетические эквиваленты действительности, свои способы самоидентификации во множестве школ, направлений и течений» [8, с. 43]. Так, еще одна из исследовательниц «женской» поэзии Т. Фицнер выявляет новые стороны женственности в интимной лирике В. Ковтун, Р. Боровиковой, которая «акцентирует внимание на профессиональной деятельности женщин, утверждает возможность совмещения частного, общественного и творческого, взаимозависимость влюбленных и влияние возраста на отношение к любви» [16, с. 15—16]. Анализируя творчество Л. Рублевской, исследовательница раскрывает концепцию поэтессы в отношении мужчин, ценность которых та определяет через отношение к женщине.

Анализ указанных исследований, наши собственные наблюдения за творчеством поэтесс позволяют сделать вывод о слабовыраженности второго этапа феминизма — этапа протеста — в белорусской женской поэзии второй половины XX в., в противовес, например, европейской и американской литературе этого же пери-

ода. Среди возможных причин — извечная белорусская толерантность, традиционная славянская покорность женщины, воспитанная вековой народной этикой, проявление которой так ярко демонстрирует фольклор. Белорусская народная мудрость постигла магистральный постулат феминизма еще задолго до выводов А. Горца, слова которого взял Я. Савицкий в качестве эпиграфа к статье «Фуко и феминизм: к политике “отличия”»: «Мудрость начинается тогда, когда понимаешь, что существуют непреодолимые противоречия, с которыми нужно жить и совсем необязательно пытаться изменить» [15, с. 297].

Третий этап феминизма — самооткрытие — в белорусской поэзии воплотился, на наш взгляд, в 1990-е гг. В это время получили развитие жанровые разновидности феминистского литературного критицизма: женская литература, женское чтение, женское письмо, женская автобиография [16, с. 5]. Поэтессы стали открыто поднимать «женскую» тему в своих произведениях. У В. Вербы имя женщины — «легкое, как солнце» [4, с. 40], в противовес ей для лирической героини Т. Бондарь — «Женская ненавистная судьба, // Блокирована в вечном круге боли!» [2, с. 21]. У Г. Булыко женщина — тайна: «Тропинка лунной ночи — // собеседник линии женской» [3, с. 39]. Р. Боровикова в краткой форме формулирует суть концепции феминизма: «Женщина я. И в этом — грех!» [1, с. 114].

Белорусская исследовательница английской «женской» литературы Н. Поваляева акцентирует внимание на языковых отличиях «женских» произведений: «В феминистской теории принято считать, что гендер как категория определяет культурные практики, ассоциируется с конкретным полом, конструируется при помощи языка. В связи с этим ряд представительниц феминистской критики сделали попытки трансформировать язык таким образом, чтобы он не мог больше использоваться для утверждения превосходства одного гендера над другим» [2, с. 149]. Такие попытки трансформации языка стали присущи в 1990-е гг. и белорусским поэтессам. Так, например Л. Сильнова издает книгу «Рысасловы» (1994), где текст зашифрован в картинке-матрице. Стихотворный проект посвящен белорусским буквам, которые, «несмотря на свою бесконечную, космическую возможность выявления, вызывают единственную устойчивую ассоциацию поэтессы» [3, с. 35].

Таким образом, белорусская «женская» поэзия стала объектом изучения начиная еще с 1970-х гг. Развитие женской критики в Беларуси во второй половине XX в. в целом соответствует универсальной трехэтапной теории развития феминизма Э. Шоуолтер, за исключением некоторых особенностей (слабовыраженности второго этапа, отсутствия системного единства), на которые повлияли национально-культурные особенности, менталитет белорусов. В конце XX в. «женский» вопрос в Беларуси перешел в стадию, когда главным является не конфронтация полов, а правильное распределение в обществе мужского и женского начал. Для исследователей литературы важным остается принятие факта наличия гендерной особенности произведений, факта существования «женской» литературы как культурного феномена, учета данной специфики в дальнейших научных работах. И, несмотря на все это, ведущая задача литературоведения — всесторонний анализ произведения с учетом всех особенностей личности автора, которые не могут быть ограничены только полом или гендером.

Литература

1. Баравікова, Р. А. Сад на капялюшыку каханай: лірыка / Р. А. Баравікова. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 486 с.
2. Бондар, Т. Хачу назваць цябе каханым: вершы, лісты розных гадоў / Т. Бондар. – Мінск : Маст літ., 1991. – 269 с.
3. Булыка, Г. Турмалін / Г. Булыка. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 94 с.
4. Вярба, В. Апошні верасень. Выбранае: вершы і паэмы / В. Вярба. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 270 с.
5. Гендер и проблемы коммуникативного поведения: сборник материалов II Межд. научн. конф. – Полоцк : ПГУ, 2005. – 168 с.
6. Гніламёдаў, У. В. Сучасная беларуская паэзія: творчая індывідуальнасць і літаратурны працэс / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 304 с.
7. Губская, О. Н. Осмысление феномена человека: от *esse homo* до *homo soveticus* (на примере произведений Максима Горьцкого, Василя Быкова и Светланы Алексиевич) / О. Н. Губская // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. научн. ст. по мат. II Междунар. научн. конф. (Пинск 24–25 ноября 2017 г.): в 2 ч. / Полес. гос. ун-т; под ред. Р. Б. Гагуа. – Пинск : ПолесГУ, 2017. – Вып. 2. – Ч. 1. – 227 с.
8. Калядка, С. У. Беларуская сучасная жаночая паэзія: мастацкія канцэпцыі «жаночага шчасця» / С. У. Калядка. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 163 с.

9. Петрушкевіч, А. Іду па слядах: літ.-крыт. публіц. арт. / А.Петрушкевіч. – Гродна: Абласное аддзяленне Беларус. фонду культуры, 1997. – 150 с.
10. Поваляева, Н. С. Англо-американская феминистская критика: история и некоторые теоретические аспекты // Проблемы истории литературы. Вып. 18. Москва – Новополоцк, 2004. – С. 236 – 244.
11. Поваляева, Н. С. Дженет Уинтерсон, или Возрождение искусства лжи / Н. С. Поваляева. – Минск : РИВШ, 2006. – 281 с.
12. Сільнова, Л. Рысасловы / Л. Сільнова. – Полацк, 1994. – 33 с.
13. Таленавітыя жанчыны Беларусі ў культурнай, навуковай і мастацкай прасторы свету: зб. матэрыялаў Міжнар. навук.-практ. канф. (Мазыр, 24–25 мая 2007). – Мазыр : УА МДПУ, 2007. – 251 с.
14. Феминизм: Восток. Запад. Россия. М. : Наука. Издат. фирма «Восточная литература», 1993. – 243 с.
15. Феминистская критика и ревизия истории политической философии. Сост. М. Л. Шенли, К. Пейтмен / Пер. с англ. под ред. Н. Л. Блохиной – М. : РОССПЭН, 2005. – 400 с.
16. Фіцнер, Т. А. Гендэрныя праблемы ў беларус. літ. XX ст.: аўтарэф. дыс.... канд. філал. навук: 10.01.01. / Т. А. Фіцнер; Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2003. – 20 с.
17. Хубер, Д. Теория гендерной стратификации / Д. Хубер // Антология гендерных исследований. Сб. пер. – Минск : Пропилей, 2000. – С. 77–98.

ІДЭІ НЕАРАМАНТЫЗМУ Ў БЕЛАРУСКІМ І ІРЛАНДСКІМ АДРАДЖЭННІ

М. Ю. Шода

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,

ул. Курчатова 220108 ,5,

Минск, Республика Беларусь

e-mail: marshoda@gmail.com

У артыкуле разглядаецца неарамантычнае звяртанне да гераічнай мінушчыны і фальклорнай спадчыны як адна з прадумаваў фармавання нацыянальнай ідэі і нацыянальнай культурнай парадыгмы падчас Ірландскага і Беларускага адраджэння ў канцы XIX стагоддзя, даводзіцца залежнасць нацыянальнай ідэнтычнасці ад лёсу мовы і захавання літаратурнай традыцыі.

Ключавыя словы: нацыянальнае адраджэнне, неарамантызм, фальклор, эпас, культурная традыцыя, гістарычная памяць.